

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

говоря о томъ, что, по заведенному въ Пруссіи или народившемуся силою обычая, традиціонному порядку, согласно которому, при неудачномъ исходѣ боя, исключается возможность безпричинныхъ за это нападокъ на кого-либо изъ участниковъ,—Мих. Ив. Драгомировъ въ этомъ случаѣ

подъ участниками разумѣлъ высшихъ отвѣтственныхъ начальниковъ; при этомъ онъ говорилъ: „большая слава той арміи, въ которой это такъ сложилось“, благодаря установившейся въ ней строжайшей исполнительности всѣхъ и cadaго въ отношеніи долга чести.

Оставаться безъ отвѣта за свои распоряженія нельзя, но установленіе отвѣтственности за нихъ безъ разбора того, насколько они дѣйствительно повели къ неудачѣ, ведетъ за собой отнятіе у военачальника всякой вѣры въ себя и въ свои силы.

Довольно и той отвѣтственности, которую каждый,—при условіи идеальной, твердой и неотступной исполнительности,—несетъ передъ своей совѣстью.

Какъ здраво, толково и спокойно можно, ведя военныя операціи, дѣлать свое высокое дѣло въ бояхъ, когда знаешь, что за простую случайность не придется попусту отвѣчать и что нѣтъ надъ тобой высшаго, но, по существу, мелкаго суда, руководства котораго не чужда и простая придирчивость, и нелѣпая подозрительность, и, главное, всеильная завистливость.—И развѣ, вѣчно висящій надъ военачальникомъ и съѣдающій его самостоятельность Дамокловъ мечъ не помогаетъ склонять ходъ cadaго боя, а затѣмъ, и исходъ всей кампаніи въ сторону вражеской побѣды!

О себѣ въ этомъ отношеніи пруссаки даже и не говорятъ; до

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1911 г.

такой степени они съ этимъ сроднились, освоились, до такой степени въ нихъ это вкоренилось, — войдя въ плоть и кровь ихъ армій.

За время движенія отъ границы и до самаго побѣдоноснаго завершения кампаніи подъ Кёниггрецемъ, рассказывалъ М. И. Драгомировъ, случалось быть свидѣтелемъ полученія извѣстій о частныхъ неудачахъ; объ нихъ всѣ инстанціи, стоявшія надъ потерпѣвшими военачальниками, выслушивали подробныя донесенія, рассуждали, давали указанія, но безъ малѣйшей тѣни „осужденія, а въ особенности безъ забраковки изъ-за мелочи всего прошлаго въ заслугахъ и начальника, и частей, ему подчиненныхъ; все рѣшалось быстро, серьезно; ни злорадству, ни иному постороннему чувству никогда при этомъ не было мѣста“; и ни одинъ изъ начальниковъ, имѣвшихъ неудачу, не былъ ни смѣщенъ, ни отставленъ: въ каждомъ изъ нихъ высшая власть была увѣрена;—увѣренность эта въ Пруссіи съ полнымъ безпристрастіемъ приобрѣтается въ мирное время, когда cadaго начальника съ полной, серьезной добросовѣстностью изучаютъ вдоль и поперекъ; въ мирное время армія и очищается отъ тѣхъ, съ которыми въ другой странѣ пришлось бы возиться при боевой обстановкѣ, въ ущербъ дѣлу; въ интересахъ войны, а слѣд. въ чаяніи пользы государства, на войну не долженъ проскакивать ни одинъ начальникъ сомнительный въ отношеніи способностей и военныхъ знаній, коими онъ обладаетъ.

* * *

Пруссаки вообще, въ каждый моментъ хода кампаніи, были хорошо, до мелкихъ подробностей, освѣдомлены обо всемъ, что творилось у непріятели; они всегда имѣли возможность видѣть, въ какой степени у него политика нападокъ на начальниковъ, переживавшихъ мелкія неудачи, и практика осрамленія ихъ постоянно вредила тамъ общему ходу всего дѣла; они видѣли у себя какое счастье для сути этого дѣла заключалось въ томъ, что у нихъ не практиковалась та слѣпая злоба, которая у австрійцевъ пагубно играла въ руку лишь врагу,—въ данномъ случаѣ имъ, пруссакамъ,—при чемъ убивала духъ „поднадзорныхъ“ начальниковъ частей, мѣшала имъ вѣрно думать, вѣрно дѣйствовать, отнимая возможность быстро усматривать свой промахъ, въ-время его поправлять, идти смѣло, беззаботно впередъ, думать лишь о стоящемъ передъ ними внѣшнемъ врагѣ и совершенно забывать о внутреннемъ, сидящемъ далеко и высоко въ видѣ судилища, скашивающаго всякую вѣроятность успѣха.

Еще великій нашъ Суворовъ, по словамъ М. И. Драгомирова, говаривалъ: „Господь съ нимъ съ гофкригсратомъ, онъ весь и созданъ у австрійцевъ въ угоду ихъ врагамъ, только имъ постоянно

„и приносить пользу; сколько онъ считаетъ такихъ начальниковъ, съ которыми непріятелю считаться бы да считаться, а ихъ замѣняютъ ничего несмыслящими грошовками“.

Относительно вѣры, съ которою въ прусской арміи высшія военныя власти смотрѣли на своихъ подчиненныхъ, водившихъ части войскъ въ бой, „генераль Драгомировъ не зналъ, кому отдать предпочтеніе: начиная съ короля Вильгельма и продолжая кронпринцемъ Фридрихомъ, генераломъ Мольтке, принцемъ Фридрихомъ-Карломъ, военнымъ министромъ фонъ Рономъ, — всѣ одинаково свято хранили этотъ завѣтный обычай, если и незаведенный Фридрихомъ Великимъ, то въ самомъ началѣ имъ твердо поддержанный; всѣ на немъ стояли, всѣ помнили, сколь преступно связывать волю полководца, насколько велика честь развязывать ему свободу и тѣмъ самымъ помогать побѣдамъ своей арміи. Умѣнье сохранять за каждымъ военачальникомъ полную самостоятельность высоко цѣнилось въ Пруссіи и дававшими ее и въ особенности, конечно, получавшими. Это пруссаки умѣли дѣлать, ставя однако съ полнымъ искусствомъ, вообще, на первый планъ суровость въ строгости взысканій за всякія упущенія, кои являются результатомъ „халатности по отношенію къ высшему долгу“. Въ Пруссіи, говорилъ Мих. Ив. Драгомировъ, еще не родился тотъ человѣкъ, который отважился бы даже подумать о томъ, чтобы такая халатность, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, могла остаться безъ жестокой кары.—Крупное все карается, а мелочь не всегда и разбирается. „Въ этомъ отношеніи все точно разграничено воркостью cadaго начальника и идеальною опредѣленностью его взглядовъ“.

* * *

Оглядываясь во всѣхъ отношеніяхъ на кронпринца Фридриха, М. И. Драгомировъ подчеркивалъ то обстоятельство, что онъ получилъ свое воспитаніе и образованіе, какъ научное, такъ и военное, всецѣло подъ руководствомъ своей умной матери, — знаменитой Августы¹⁾; при чемъ какъ бы заимствовалъ отъ нея кротость, добросердечіе и точность (пунктуальность) во всемъ; отъ отца въ его натурѣ утвердилось мужество съ энергіей и „съ полной безпритязательностью“.

¹⁾ Августа находилась съ 1829 года въ супружествѣ съ принцемъ прусскимъ Вильгельмомъ; впоследствии, онъ, пребывая въ этомъ счастливомъ бракѣ, сдѣлался королемъ прусскимъ, а затѣмъ и императоромъ германскимъ. Она была дочь Карла-Фридриха Саксенъ-Веймарскаго и великой княгини Маріи Павловны, дочери Имп. Павла, сестры Императора Николая Павловича. Міровую извѣстность въ 1870 году имѣли телеграммы, ежедневно посылавшіяся Вильгельмомъ ей съ театра военныхъ дѣйствій, въ особенности изъ Версаля и изъ Парижа, — въ минуты развязки этой громоносной кампаніи.

Когда Фрицъ заканчивалъ свое образованіе въ боннскомъ университетѣ, его не покидали ни попечительныя заботы матери, ни вліятельное руководительство его учителя-наставника Курціуса, котораго онъ полюбилъ со всею нѣжностью своего мягкаго, хорошаго сердца.

Продолжительное, предпринятое въ юношескихъ годахъ, путешествіе по Италіи, съ одной стороны дало принцу много хорошихъ минутъ жизни, а съ другой—указало массу хорошихъ направленій его мыслямъ, чувствамъ, знаніямъ и убѣжденіямъ. Самъ онъ всю свою жизнь давалъ большую цѣну путешествію своему по Россіи съ Мольтке и продолжительному въ ней съ нимъ пребыванію. Служба рядовымъ въ гвардейскомъ гренадерскомъ полку дала ему возможность оглянуться на все то, что онъ за годы своего ученія усвоилъ себѣ по части военной.—Его товарищи-сослуживцы, предаваясь воспоминаніямъ о томъ времени, когда принцъ вошелъ въ ихъ среду, на перерывѣ, одинъ передъ другимъ, выставляли—сколько такту было проявлено имъ въ сношеніяхъ съ ними, сколько дорогой простоты при полномъ отсутствіи какого бы то ни было къ тому старанія,—часто болѣе обиднаго для среды простыхъ смертныхъ, чѣмъ даже заносчивое, нескрываемое высокомеріе.—У принца, ставшаго съ той поры, и для офицеровъ и для солдатъ „уважаемымъ Фрицомъ“, все проявлялось совершенно естественно, видно было, что ему нисколько не приходилось подавлять въ себѣ какое-либо чувство, которое не только окружающимъ, но и ему самому могло бы напоминать объ его высокомъ происхожденіи и положеніи. Привѣтливость, ласка, доброжелательность—все выливалось само собой.

„Этого нельзя достигнуть, минутно задавшись задачею къ тому; это является результатомъ врожденнаго благородства и укрѣпляется благородными вліяніями воспитанія“.

Большою общею любовью пользовался кроткій принцъ также въ ту пору, когда ему, по обстоятельствамъ политическаго характера, пришлось, въ началѣ царствованія его отца, удалиться отъ дѣлъ, покинуть Берлинъ, а затѣмъ сдѣлаться правителемъ Помераніи и командиромъ расположеннаго тогда въ ней корпуса.

Но болѣе всего чувства трогательной любви и безпредѣльнаго уваженія къ нему развились въ періодъ датской войны 1864 года; въ этой войнѣ онъ собственно участвовалъ не въ качествѣ самостоятельнаго военачальника, но имѣлъ случай проявить чисто военныя способности и возбудилъ къ себѣ въ арміи чувства всеобщаго расположенія и уваженія, главнымъ образомъ тѣмъ, что дѣлилъ съ солдатами буквально всѣ труды зимней походной и боевой жизни.

Никто въ арміи,—отъ генерала до солдата,—не стремился идеализировать это, но каждой видѣлъ принца въ огнѣ, въ стужѣ, въ лишенияхъ и чувствовалъ, что онъ совершенно отдавался тогда всему тому, чему отдавался отъ мала до велика каждый въ этой спартански-закаленной арміи.

М. И. Драгомировъ, возвращаясь при каждомъ удобномъ случаѣ къ рассказамъ о возбуждавшемъ въ немъ такую массу симпатіи принцѣ, не разъ говорилъ: „очень часто я разговариваю о кронпринцѣ, но сколько бы я ни вспоминалъ о немъ, никогда не придетъ ни сказать, ни подумать, чтобы этого было черезъ чуръ много“.

* * *

Когда кронпринцъ со 2-й арміей совершилъ одинъ изъ самыхъ трудныхъ походовъ, проведя свое излюбленное дѣтище полнымъ бездорожьемъ черезъ множество горныхъ ущелій и, съ большимъ стратегическимъ умѣньемъ, къ моменту Кёниггрецкаго боя перелетѣлъ отъ Кёнигсгофа къ Хлуму, а затѣмъ также быстро вступилъ въ бой, давши такимъ образомъ неожиданный перевѣсъ и рѣшительную побѣду пруссакамъ,—король Вильгельмъ тамъ же, на полѣ битвы, собравъ ближайшія части побѣдоносной арміи своей и начальниковъ частей, торжественно сказалъ: „трудно брать на себя оцѣнку заслугъ сына и награжденіе его, но въ данный моментъ мнѣ еще труднѣе было бы воздержаться отъ этого; справедливость должна заглушить во мнѣ всякую мнительность“; при этомъ онъ съ гордымъ видомъ возложилъ на побѣдителя знаки ордена „pour le mérite“.

Кронпринцъ, не промедливъ ни минуты, обратился къ королю-отцу съ просьбой,—наградить неотложно всѣ части его арміи: „тогда только можетъ, сказалъ онъ, установиться та справедливость, о которой ты вообще думаешь и говоришь и которую всегда во всемъ привыкъ соблюдать“. Не надо было обладать особою сентиментальностью для того, чтобы этотъ простой и въ такую минуту естественный порывъ показался трогательнымъ, замѣтилъ Мих. Ив., рассказывая объ этомъ эпизодѣ,—а затѣмъ добавилъ:

Очень живо вспомнилъ я, во всѣхъ подробностяхъ, эту сцену черезъ 11 лѣтъ, когда пришлось присутствовать при награжденіи Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ командира VIII армейскаго корпуса генераль-лейтенанта Фед. Фед. Радецкаго ¹⁾ за переправу черезъ Дунай.

¹⁾ Извѣстно, что въ іюнѣ 1877 года черезъ три дня послѣ совершенія отрядомъ VIII корпуса подъ непосредственнымъ начальствомъ свиты Е. В. генераль-маіора Драгомирова переправы черезъ Дунай отъ Зимницы къ Систову съ румынскаго берега на турецкій,—Государь со свитой, по наскоро-

* * *

Не мало М. И. Драгомировъ вспоминалъ и разсуждалъ также о командовавшемъ первою арміею принцъ Фридрихъ-Карлъ Прусскомъ¹⁾,—племянникъ короля Вильгельма. Со своимъ двоюроднымъ братомъ—кронпринцемъ принцъ этотъ находился въ самой тѣсной дружбѣ и вообще въ жизни, своими постоянными близкими съ нимъ сношеніями, оказывалъ на него большое вліяніе. Къ началу кампаніи Фридриху-Карлу исполнилось 38 лѣтъ; молодой, сильный, энергичный, онъ къ этому времени былъ полонъ боевого опыта; уже въ 1848 году—онъ, двадцатилѣтнимъ юношей, состоя при штабѣ своего дяди Вильгельма (впослѣдствіи король и императоръ), который его передалъ въ распоряженіе многоопытнаго, маститаго фельдмаршала гр. Врангеля, онъ принималъ участіе въ походѣ на Шлезвигъ, а затѣмъ въ 1849 г.—въ баденскомъ походѣ, при чемъ былъ раненъ въ плечо на вылетъ.

Получивъ солидное военное образованіе подъ руководствомъ приставленнаго къ нему въ качествѣ наставника, — знаменитаго генерала фонъ-Роона, который впослѣдствіи, т. е. именно въ годы войнъ Австрійской и Французской, очень долго (съ 1858 г.) въ Пруссіи занималъ постъ военнаго министра,—принцъ Фридрихъ-Карлъ всю свою жизнь посвятилъ не только службѣ въ войскахъ, но и спеціальному, глубокому изученію военнаго дѣла. Блестящія дарованія, которыя онъ проявилъ, сложили въ войскахъ и въ народѣ о немъ понятіе, какъ о человѣкѣ по военной части изъ ряду выходящемъ; въ особенности подчеркивалась его необычайная твердость; и войска и народъ видѣли въ немъ олицетвореніе „непобѣдимаго героя“.

наведенному войсками мосту, прибылъ въ Систово; объѣзжая на турецкомъ берегу свои войска и высказывая имъ горячую благодарность, Его Величество передалъ Радецкому высокую награду — орденъ св. Георгія 3-ей степени.

— Нѣтъ, нѣтъ, Ваше Величество, посторонившись, смущенно заговорилъ скромный кавказскій герой, это не мнѣ, это Михаилу Ивановичу, онъ совершилъ...

— Возьми, возьми, сказалъ, въ высшей степени добродушно засмѣявшись Государь; успокойся, не будетъ забытъ и твой Михаилъ Ивановичъ; вслѣдъ за тѣмъ Государь обратился къ Драгомирову, подавая ему такой же орденъ: вотъ и тебѣ крестъ, напрасно твой начальникъ подумалъ, что я о тебѣ забылъ; никогда твоя и твоего молодецкаго отряда заслуга забыта не будетъ.

¹⁾ Сынъ принца Карла, младшаго (третьяго) сына короля Карла Фридриха Вильгельма III, котораго старшій сынъ Фридрихъ Вильгельмъ IV наследовалъ ему (въ 1840 г.), а впослѣдствіи (въ 1861 г.) передалъ престолъ второму сыну—Вильгельму I. Принцъ Фридрихъ Карлъ родился въ 1828 году, ум. въ 1885 году.

Во время „Датской войны“ онъ въ особенности стяжалъ себѣ эту славу или вѣрнѣе довершилъ стяжаніе ея; въ этой кампаніи онъ командовалъ II арміей, и при немъ находился Мольтке. Это многимъ кололо глаза; здѣсь произошло тоже, что впоследствии вышло съ кронпринцемъ ¹⁾: завистливые умы приписывали успѣшность дѣйствій принца всецѣло этому, какъ они выражались, „счастливому обстоятельству“; но въ арміи вообще этой праздною и пустой болтовнѣ дана была вѣрная оцѣнка:—самостоятельныя и громадныя заслуги способнаго принца злымъ языкамъ не удалось нисколько умалить.

Принцъ Фридрихъ-Карль съ юныхъ лѣтъ усидчиво и старательно занимался военной исторіей; изучая дѣйствія полководцевъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, онъ въ полныхъ подробностяхъ ознакомился съ походами своего прадѣда — Фридриха II — великаго, нашего славнаго, — не менѣе великаго, Суворова и, главнымъ образомъ, великолѣпнаго ²⁾ Наполеона.—Впоследствии онъ не только самъ продолжалъ настойчиво изучать военную исторію, тактику, стратегію, но какъ бы поставилъ себѣ задачей привлечь другихъ къ серьезнымъ занятіямъ; у него часто по зимамъ происходили военныя бесѣды, на которыхъ читались и разбирались классическія военныя сочиненія, а также вообще, обращавшія на себя вниманіе, произведенія печати всего міра; ничто спеціально-военное не пропускалось; не пропускались при томъ изъ ряду выходяшіе вопросы науки и жизни вообще. М. И. Драгомировъ, при первой же встрѣчѣ съ принцемъ, былъ имъ прямо приглашенъ на обѣдъ и въ тотъ же день вечеромъ имѣлъ удовольствіе присутствовать у него на многочленномъ собраніи при разборѣ нѣсколькихъ весьма серьезныхъ, военныхъ вопросовъ. Тамъ онъ встрѣтился и познакомился съ нѣкоторыми наиболѣе видными представителями военного и ученаго міра. Между прочимъ М. И. не мало подчеркивалъ сдѣланное имъ тогда знакомство съ Вирховымъ ³⁾.

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь, стр. 220 и 225.

²⁾ Самъ принцъ его такъ называлъ: „prachtvoll“. Въ этомъ талантливомъ принцѣ замѣчались остатки любви ко всему французскому; начинателемъ этого пристрастія считается Фридрихъ Великій: онъ крайне увлекался французской литературой, много не только читалъ, но и писалъ по-французски; извѣстно, что среди другихъ ученыхъ, у него въ Санъ-Суси прожилъ довольно долго Вольтеръ.

³⁾ Специалистъ по анатоміи глубокоученый клиницистъ; антропологъ; онъ основалъ „патологію клѣточекъ“.—Почти со дня вступленія на престолъ Вильгельма I принималъ большое участіе въ занятіяхъ прусской палаты депутатовъ, какъ представитель прогрессистовъ. Впоследствии явился членомъ германскаго рейхстага, въ которомъ много и рѣшительно боролся съ Бисмаркомъ, но напрасно.

— „Вотъ какъ намъ посчастливилось, говорилъ, возвращаясь съ этого вечера, гр. Голенищевъ-Кутузовъ; принцъ постоянно,—сколько я его помню,—устраиваетъ по два-три раза въ недѣлю такіе вечера; у него собираются избранные имъ, ставшіе ему близкими люди; на этихъ вечерахъ разбираются самыя разнообразныя вопросы, военные по преимуществу, но не исключительно военные. За нѣсколько лѣтъ моего пребыванія въ Берлинѣ я имѣлъ не разъ честь быть приглашеннымъ на эти серьезныя вечера и всегда выносилъ изъ нихъ много поучительнаго“.

Еще принцъ былъ очень молодымъ, когда вдругъ обнаружилось, что авторомъ вышедшаго въ Германіи глубоко-научнаго сочиненія подъ заглавіемъ „Военное устройство во Франціи“, оказался онъ.— Въ мельчайшихъ деталяхъ, чрезвычайно мѣтко, было имъ разобрано устройство французскихъ войскъ и всей военно-административной части ихъ, съ организаціей, вооруженіемъ, снабженіемъ, тактикой, администраціей; сочиненіе это вызвало много полемики въ прусскихъ военныхъ сферахъ и надѣлало много шума; раньше чѣмъ имя автора стало извѣстнымъ, оно явилось крайне авторитетнымъ и было признано высоко-талантливымъ; на это сочиненіе дѣлались ссылки, изъ него брались извлечения, какъ въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ, вообще, такъ и при желаніи популяризировать проводившіяся въ немъ знанія и идеи.

Все, что во французской арміи ея свѣтлаго—бонапартовскаго,—періода было, благодаря генію Наполеона, принято тонко-поучительнаго, прусская армія впоследствии усвоила себѣ;—этому могущественно содѣйствовалъ принцъ Фридрихъ-Карль, говорить въ своемъ официальномъ отчетѣ М. И. Драгомировъ. На мѣстѣ, среди представителей прусской арміи, М. И. слышалъ, что принцъ Фридрихъ-Карль былъ въ очень раннихъ годахъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи за крайне умѣлое, первенствующее участіе въ преобразованіи арміи.—Кромѣ того, что принцъ самъ весь отдался книжному изученію военнаго дѣла,—онъ съ замѣчательнымъ вниманіемъ предавался всевозможнымъ личнымъ заимствованіямъ въ тѣхъ случаяхъ, когда доводилось ему находиться подъ вліяніемъ и руководствомъ такихъ высокоталантливыхъ военно-ученыхъ, какими были въ свое время фельдмаршалъ графъ Врангель, генералы Мольтке, Роонъ, Фойгтъ-Рець и др.

Въ своемъ отчетѣ Мих. Ив. Драгомировъ какъ бы воскликнулъ: „принцъ Фридрихъ-Карль въ настоящую эпоху безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ генераловъ въ Европѣ“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. Е. К.

